

УДК 101.1 (075.8)

© А.А. Тесля, 2010

ЭТАПЫ ИСТОРИИ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ НАЦИОНАЛИЗМА

Тесля А.А. – к.ф.н., доц. кафедры «Философии и культурологии» (ТОГУ), тел. 22-43-94, e-mail: atesla@mail.ru

Современное состояние исследований национализма и империй позволяет рассмотреть историю славянофильского движения в контексте процессов формирования русского национального сознания. Выделяемые этапы истории славянофильства соответствуют ключевым событиям в истории имперской национальной политики. Анахроничность конфессиональной модели конструирования нации приводит в 80-е годы XIX века к завершению славянофильства в качестве политического проекта.

Recent studies of nationalism and empire allows us to consider the history of Slavophile movement in the context of the formation of the Russian national consciousness. Allocated to the stages of history Slavophilism correspond to the key events in the history of imperial national policy. Anachronistic confessional model of nation leads to the eighties of the XIX century to the end Slavophilism as a political project.

Ключевые слова: славянофильство, национальный проект, империя, национальное сознание, конструирование наций.

Современный этап исследований в области отечественной истории и истории русской общественной мысли характеризуется активным ростом интереса к проблематике национализма и империй. Можно указать на появившиеся в последнее десятилетие обобщающие работы [1], значительные коллективные исследовательские проекты [2; 3], происходит и дисциплинарное оформление исследований¹; численный рост отдельных специальных работ хорошо отражает динамика библиографического отдела в казанском специализированном журнале “Ab Imperio”.

---

* Исследование выполнено в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Тема: «Исследование шансов и рисков социально-политической модернизации на Дальнем Востоке». Шифр 2010-1.2.1-102-016.

¹ С 2000 г. в Казани издается специализированный журнал, ориентированный на исследования имперской проблематики: Ab Imperio.

На наш взгляд представляется плодотворным применение полученных результатов исследований к традиционным объектам истории русской философии и русской общественной мысли – плотное включение их в новый контекст позволит по-новому проанализировать известные сюжеты. Удобным объектом подобного рассмотрения, по нашему мнению, служит славянофильское направление: сформировавшись в момент конституирования основных элементов дискуссии о национальном самосознании, стимулированных событиями 1812 – 1815 гг. и активными процессами национального строительства в Германии, оно выступило одним из протагонистов в спорах 40-х – 80-х годов, т.е. в эпоху, когда происходило оформление ряда соперничающих «образов нации» и активно менялась государственная политика в национальном вопросе. Мы полагаем продуктивным проанализировать этапы развития славянофильского направления в контексте споров о нации.

Первый этап (конец 1830-х – 1845 гг.). Хрестоматийное описание первого этапа восходит еще к мемуарным текстам современников – А.И. Герцена [4] и П.В. Анненкова [5]. Тем «иным», относительно которого происходит складывание славянофильского кружка, выступают достаточно разнородные «западники»; линия расхождения – вопрос об историческом своеобразии и смысле русской истории. Спор конституируется повесткой, заданной «Первым философическим письмом к даме» П.Я. Чаадаева – смысл русского исторического процесса, его оправдание в универсальном плане. Славянофилы в этом контексте выступают наиболее продуктивными последователями немецкой философии истории (начиная от Гердера и романтиков и вплоть до Шеллинга и Гегеля). Их задача – вписать русскую историю самостоятельной главой во всемирно-историческую схему, следовательно, найти ту «всеобщую», «универсальную» идею, которой Россия призвана обогатить всемирную историю.

Данная дискуссия подпитывается первичной, простейшей формой «российского самосознания», оформившегося на волне подъема, вызванного победой в Отечественной войне 1812 г., капитуляцией Парижа и т.д. В этой форме самосознания еще сплавлены мотивы имперского и возникающего национального самосознания – и потому она, в принципе, может развертываться в дальнейшем и в официальный европеизм (мыслящий Российскую империю как полноценного участника «европейского концерта»), и в формирующееся западничество (где события 1812 – 1815 трактуются как демонстрация достаточной зрелости российского общества, дозревшего до сознательного принятия западных начал), и в становящееся славянофильство (истолковывающее патриотическое движение 1812 года в романтической рамке как «пробуждение народного духа») [6]. Уваровская формула национального самосознания не препятствует на тот момент ни одной из возможных интерпретаций: будучи весьма широкой, в силу внутренней пустотности, фактически сводящая все три элемента к утверждению центрального – самодержавия [7, 366], она на тот момент допускает многообразные интерпретации (официальное наполнение и конкретизация будут меняться вплоть до конца империи

[см. 8]). И тем не менее именно уваровская форма вызывает эффект катализации – будучи первой официальной идеологией, она ставит в повестку дня саму проблему определения национальной и (или) имперской идеи, на тот момент слабо разводимых [9, 126]. Формирующееся славянофильство в тот момент весьма близко кругу М.П. Погодина и С.П. Шевырева, стремящегося разрешить ту же задачу – дать позитивное наполнение уваровской формуле, перевести ее из некой «возможности» национальной идеи в конкретику.

Второй этап (1845 – 1855). К 1845 г. завершается первый этап формирования славянофильской доктрины, что проявляется как в окончательном разрыве с кругом западников [см. 10], так и напряжением, образовавшимся с кругом М.П. Погодина [11, 22 – 28]. Одновременно расширяется ядро славянофильского движения, в которое в это время входят К.С. Аксаков и Ю.Ф. Самарин; активно вовлекается А.И. Кошелев [см. 12, 47].

Внешне парадоксальным образом западничество даже в радикальном варианте В.Г. Белинского не подвергается существенным репрессивным мерам, в то время как едва ли не любое сколько-нибудь заметное действие славянофилов вызывает санкции. Причина заключается в понятности данного движения и его значительном совпадении с правительственным видением истории. Широкое западничество тех лет, равно включающее Грановского, Белинского, Тургенева, Боткина, Анненкова, фактически едино с мироощущением просвещенной бюрократии. Некоторая оппозиционность не носит, как представляется стороннему наблюдателю, существенного характера – и это верно по существу (поскольку оппозиционность оформится только после распада данного направления, когда из него выделятся умеренно-либеральное направление, радикалы и сторонники просвещенной бюрократии 60-х годов, близкие по ряду ключевых позиций к либералам, от которых из за частую отделяет только правительственный статус).

Напротив, славянофилов и правительство разделяют и видение истории, и цели, и предполагаемые пути ее достижения. Как отмечается Г. Касьяновым, в современной историографии по сей момент зачастую недооценивается, что «русский национальный проект» представлял существенную опасность для Российской империи и оценивался таковым ее правительством [2, 95]. Об этом сознании опасности свидетельствует и известная беседа Николая I с Ю.Ф. Самариным в 1849 г., где император оценил славянофильские высказывания следующим образом: «Вы прямо метили на правительство: вы хотели сказать, что со времени Императора Петра I и до меня мы все окружены Немцами и сами Немцы. Понимаете, к чему вы пришли: вы поднимали общественное мнение против правительства; это готовилось повторение 14 декабря» [13, ХСП]. Иными словами, император акцентировал не столько различие во взглядах, сколько апелляцию к общественному мнению – и этот момент был неразрывно связан с самим «национальным проектом», поскольку предполагал наличие широкого носителя такового – общественного мнения, воспринявшего национальный проект. Логика национального движения подталкивала к воздействию на общественное мнение, а для того

его надлежало первоначально создать. По мере конституирования славянофильства, его конфликт с николаевской империей становился все более глубоким, поскольку речь шла о столкновении в основаниях – унифицирующая империя, выстраиваемая по модели *Polizeistaat* немецких княжеств 2-й пол. XVIII в., предполагала принципиальное отсутствие общества, имеющего какую-либо субъектность. Напротив, славянофильский проект предполагал складывание «земства», политического общества. До тех пор, пока империя могла существовать, игнорируя общество, места для славянофильства как признаваемого направления, не было.

Третий этап (1856 – 1862) в истории славянофильства приходится на начало эпохи «Великих реформ». Империя приступает к вынужденной модернизации – и в этих условиях стремится опереться на имеющиеся общественные силы. На смену прежней достаточно прямолинейной политике запретительных мер приходит сложная политика лавирования. Кары, постигающие славянофильские проекты, перемежаются с политикой терпимости или прямого поощрения [14, 17 – 23 (первая пагинация)]; меняющаяся и в силу уже одного этого ослабленная империя стремится не отталкивать ни одну из имеющихся общественных сил, выражающих готовность учитывать правительственные интересы.

Если до этого главным адресатом славянофилов фактически была власть (не считая узкого кружка непосредственно знакомых лиц), то теперь появляется возможность обращения к обществу. Попытки получить средство воздействия на общественное мнение активно предпринимаются ими на всем протяжении предшествующего периода (наиболее заметные: редакция И.В. Киреевским «Москвитянина» в 1845 г., «Московский сборник» 1852 г.), однако только в 1856 г. им удается добиться получения разрешения на издание собственного журнала («Русская Беседа», 1856 – 1860 гг.). Славянофилы старательно стремятся обозначить собственное лицо, не сливающееся с другими направлениями. Показательна ситуация 1855 г., когда А.И. Кошелев, А.С. Хомяков и Ю.Ф. Самарин, мучительно добиваясь разрешения на издание собственного журнала, тем не менее, решительно отклоняют все предложения о сотрудничестве, поступающие со стороны М.П. Погодина, готового передать погибающий «Москвитянин» под совместную редакцию [15, 244 – 246, 370 – 375].

Однако изменившиеся условия оказываются неожиданными и для самих славянофилов – привыкнув преодолевать сопротивление правительства и видя в нем главное препятствие, они неожиданно обнаружили широкое русское образованное общество фактически равнодушным к поднимаемым ими вопросам. В фокусе общественного внимания оказались вопросы социального и политического переустройства, на тот момент не имеющие в публичной русской сфере национального измерения.

Четвертый этап (1863 – 1866). С началом Польского восстания 1863 года ситуация кардинально меняется – славянофильские идеи оказываются востребованы одновременно обществом и властью. Некоторое время реакция

славянофилов выглядит сомнительной – И.С. Аксаков после начала восстания держит длительную паузу, отговариваясь невозможностью в существующих условиях выразить славянофильские взгляды на польский вопрос [16, 25 – 26]. Польша, с точки зрения славянофилов, есть помеха собственно русскому делу – утрата ее, болезненная для империи, окажется благоприятной для национального дела, снимая проблему управления чуждым краем и необходимость как-то учитывать (пусть и в весьма ограниченном объеме) интересы польских подданных русского царя. С точки зрения славянофилов, в нынешних условиях примирение польских и русских интересов невозможно – империя вынуждена выступать в качестве незадачливого арбитра, тем самым препятствуя реализации русских национальных задач. Следовательно, утрата Польши в долгосрочной перспективе может обернуться благом для России, избавляя политику империи от вынужденной раздвоенности. Распространение восстания на Западные и Юго-Западные губернии, планы реставрации Речи Посполитой в границах 1772 г., заявленные восставшими, снимают противоречие между взглядами правительства и славянофильским кружком [17, 21 - 22] – с этого времени становится возможным сформулировать общую позицию, заключающуюся в (1) умиротворении Царства Польского, проводимого на таких основаниях, чтобы сделать впредь невозможным повторение угрозы 1830 и 1863 г. – Польша должна утратить опасность для России, даже если за это придется заплатить окончательным разрывом с господствующими классами польского общества; (2) русификации Западного и Юго-Западного краев, проводимых самыми решительными мерами (воплощением их станет фигура Муравьева Виленского). Жесткость мер по русификации, одобряемая, а отчасти лично проводимая ведущими славянофилами (Ю.Ф. Самарин, кн. В.А. Черкасский, И.С. Аксаков), вызвана осознаваемой слабостью русской культуры, неспособностью ее втянуть в круг русского национального пространства в условиях полноправного соперничества с польской культурой. Польская нация является предпочтительной для всякого лица в Западных губерниях, едва он входит «в круг высшей культуры», разбогатевший или образованный дворянин или мещанин стремится всячески походить на поляка, пользуется польским языком, принимает у себя ксендза – а его дети уже становятся собственно поляками. Насильственность мер славянофилами осознается как следствие их слабости – польское влияние должно быть насильственно устранено в Западных и Юго-Западных губерниях, дабы социальное восхождение однозначно соотносилось бы с вхождением в великорусскую культуру и тем самым придавало бы последней высший на данной территории социальный статус.

В проведении национальной политики славянофилы в 1863 – 1864 гг. готовы нанести урон высшим социальным группам и опереться на средние или даже низшие слои населения, для которых предпринимаемые меры означали бы расширение социальных возможностей. В условиях польского кризиса империя принимает данную программу реформ – поскольку вполне реальной на тот момент представляется угроза отторжения всех Западных и части

Юго-Западных губерний. Однако, по мере того, как первоочередные проблемы удастся решить, имперское правительство все менее готово продолжать принятый курс – его последствия, как надеются и сами славянофилы, гораздо шире областей, затронутых их реформаторскими усилиями и в долгосрочной перспективе должны вызвать изменение коренных начал государственной политики. Цена реформ кажется несоразмерной – и это выливается в отставки 1866 г.; символичным оказывается назначение на смену Н.Н. Муравьеву Виленским генерал-губернатором А.Л. Потапова [см.: 18, гл. III].

Наиболее важным итогом четвертого этапа становится формирование целостного славянофильского «национального проекта» – если до этого времени мы можем говорить о некотором достаточно расплывчатом комплексе представлений, в первую очередь ориентированном на обоснование русского национального своеобразия и его философское фундирование, то в 1863 – 1866 гг. славянофильство вырабатывает конкретную политическую программу построения «большой русской нации» (т.е. включающей в себя по идеологически значимой терминологии «великороссов, малороссов и белорусов»). Эта программа включает в себя весь набор основных инструментов национального строительства – начиная от формирования национальной идеологии, вплоть до мер по начальному образованию и созданию массовой периодики для низового читателя. Данная программа вырабатывается в противостоянии одновременно с нею формируемому национальному проекту М.Н. Каткова, стремящегося уйти от конфессиональной привязки (существенно важной для славянофилов) к построению гражданской нации [см.: 16].

Пятый этап (1867 – 1878). Влияние славянофильского направления радикально сокращается – в этот период постепенно сходит на нет славянофильская публицистика (в 1869 г. закрывается «Москва» И.С. Аксакова, основанная в том же году в Петербурге «Заря» так и не сумела добиться сколько-нибудь заметного влияния, закрывшись в 1872 г.), Ю.Ф. Самарин преимущественно занимается зарубежной издательской деятельностью: в русской типографии в Лейпциге выходят «Окраины России», одновременно там же издается ряд значимых для славянофилов текстов предшествующего времени (например, двухтомное собрание сочинений адмирала Шишкова). Самаринское книгоиздание имеет своим адресатом в первую очередь высшие правительственные и общественные круги, стремясь привлечь внимание своей узкой, но влиятельной аудитории к ключевым вопросам национальной политики, предлагая по ним ряд конкретных практических мер.

По мере ухода польско-русского конфликта в прошлое, в русском обществе наблюдается спад националистических настроений; одновременно с этим правительственная политика в национальном вопросе также стремится к сглаживанию противоречий путем репрессивных мер в отношении национальных движений. В числе этих мер, наряду с запретом украинофильства, находятся репрессии против славянофилов и «москворядского» направления Каткова – формирующийся русский национализм, ситуативно бывший выгодным для правительства, объективно с имперской точки зрения усложняет

ситуацию, в том числе и за счет стимулирования (по принципу раздражителя) местных национализмов.

Если в 60-е годы, в сложных условиях Польского восстания, имперскому правительству представляется выгодным благоприятствование политике строительства общерусской нации, то по мере утраты конфликтами 60-х годов своей остроты, с одной стороны, и одновременно с появлением новых проблем в 70-х, для империи все меньший текущий интерес представляет политика поощрения русского нацистроительства. Важнейшее обстоятельство – изменение характера угроз. На взгляд имперского правительства, в 60-е гг. основные угрозы исходили извне: внешнеполитическая напряженность, сохранявшаяся полтора десятилетия после Парижского мира, и сопряженная с нею угроза с Западных окраин империи. В попытках справиться с данными угрозами представлялось логичным опереться на русское общество – и, соответственно, дать ему возможность усилиться (в конечном счете, оно воспринималось как естественный союзник – в дальнейшем «размер» этого союзника будет сужаться, трансформировавшись к 1905 г. в официальный миф о монархически настроенном патриархальном крестьянине, отразившийся в избирательном законе 1906 г.). Со второй половины 60-х годов основным источником угрозы становится собственно русское общество (символическое значение – выстрел Караказова и надежда на то, что стрелял поляк). Имперская политика 70-х, по оценке А.И. Миллера, отличается непоследовательностью – проблемы осознаются, но принимаемые меры носят почти исключительно негативный характер (запрещение украинской гражданской печати, ограничения по службе для польских выходцев и т.п.); консервируется в нестабильном состоянии имперская модель предыдущих десятилетий – а ее нестабильность проявляется в предпринимаемых время от времени спонтанных отклонениях от средней линии [см.: 19] (в ряду подобных отклонений от общей логики находится и нерешительная, провокационная балканской политикой 1876 г., закончившаяся вынужденным объявлением войны Турции в 1877 г. [20, 7 – 9]).

Шестой этап (1879 – 1886). К концу царствования Александра II имперское правительство приходит к выводу о необходимости существенных уступок общественному мнению. Пытаясь воспользоваться созданным положением, И.С. Аксаков (к тому моменту оставшийся единственным заметным представителем направления) стремится актуализировать славянофильский проект, предлагая его как альтернативу либеральным программам, наиболее приемлемую для правительства. Расширение общественных свобод предлагается без изменения прав центрального правительства; империи надлежит не минимизировать последствия войны 1877 – 1878 гг., а напротив, возродить и опереться на общественные настроения того времени. Иными словами, И.С. Аксаков предлагает консолидацию общества вокруг правительства на основе проекта национального возрождения, – активная внешняя политика, извлекающая выгоды из самого факта образования независимых славянских

государств на Балканах, должна сопрягаться с последовательной национальной политикой внутри империи.

Гибель Александра II и восшествие на престол Александра III стимулирует активность славянофильства – длительная нерешительность правительства, вызванная неопределенностью в выборе политической программы, осознается И.С. Аксаковым как решительный шанс для славянофилов добиться претворения их видения «национального целого» в правительственную политику.

Однако империя на этот раз оказывается не готова к столь глубокой трансформации – выбор был сделан в пользу катковского проекта «политической нации» в его охранительном прочтении. Фактически, русификаторская политика 80-х годов оказывается политикой противодействия местным национальным движениям, при неспособности предложить им реальную альтернативу в виде цельного русского национального проекта – национальное содержание подменяется имперским (от национального заимствуются преимущественно риторические ходы, остающиеся без реального наполнения). Подобная неудача достаточно закономерна – ограниченно-модернизированная империя не решается сделать ставку в национальном проекте на какую-либо социальную группу, которая могла бы стать его носителем. Логика сохранения целого оказывается достаточно сильна, чтобы сделать невозможной на практике любую последовательную позитивную программу, тогда как нарастающие конфликты склоняют прибегать к логике негативного национализма, насыщая позитивную часть несколько модифицированным имперским содержанием.

Причины неудачи славянофильского проекта в 80-е годы определяются, однако, не только политическим выбором имперского правительства, но и объективными слабостями самой славянофильской программы этого времени. И.С. Аксаков и его стареющее окружение пытаются модернизировать отдельные элементы программы, сохраняя неизменным ее сущность, как она сформировалась к середине 60-х годов. Между тем ситуация успела измениться коренным образом – сформировались относительно хорошо структурированные национальные движения на окраинах, за 60-е – 80-е гг. возникла сравнительно плотная общественная среда. Славянофильский проект 60-х предлагал, выражаясь образно, построение «национальной империи» – реформативное империи на основе выстраивания сильной имперской нации (с этой задачей тесно связаны универсалистские мотивы славянофильства, работающие как широкий «принцип включения»). Переход от прежней имперской модели к национальной должен был облегчить конфессиональный принцип – позволяющий считать в той или иной степени входящим в национальное целое любого, исповедующего православие (тем самым обеспечивалось исключение враждебного «польского элемента» и одновременно открывались широкие возможности для политики ассимиляции). К 80-м годам XIX века конфессиональный принцип конструирования нации явно уходил в прошлое – противостояние с украинофильством и, например, с медленно

формирующимся обособленным белорусским прото-национальным движением не могло выстраиваться по линии конфессиональной принадлежности; одновременно конфессиональный принцип порождал неожиданно возрастающие затруднения для включения в имперское целое восточных окраин, становясь подпиткой панисламистских течений среди мусульманского населения Поволжья и Кавказа, стимулируя процессы нациестроительства у данных этнических групп. Однако важнейшим фактором, играющим против славянофильского проекта, стало ослабление конфессиональной принадлежности как критерия самоидентификации среди групп, подлежащих потенциальному включению в «большую русскую нацию». Конфессиональный принцип одновременно оказывается к 80-м годам и слишком сильным (на периферии) и слишком слабым (применительно к центральным группам). Данное положение вещей фиксируется и самим И.С. Аксаковым, признающим к 1883 г. возможность принадлежности к русской нации и лиц неправославного исповедания [17, 635 и сл.; ср.: 21, 283 – 284 (первая пагинация)]. Тем самым славянофильский проект, оформившийся к 60-м годам XIX века, к середине 80-х оказался утратившим свой конститутивный принцип – и этим моментом можно датировать, на наш взгляд, прекращение собственно славянофильства.

***

Существенным достижением современных дискуссий можно считать признание наличия множественных национальных проектов, альтернативных видений нации. История национализма приобретает дополнительное измерение – на смену истории формирования национального самосознания как, пусть и сконструированного, но достаточно однородного проекта, приходит видение множества конкурирующих проектов, в противоборстве и взаимодействиях которых складывается конкретная политика нациестроительства.

Славянофильство, выступив первым и одним из наиболее проработанных «национальных проектов» русской нации, не добились сколько-нибудь полного осуществления своей программы. Моменты существенного влияния на государственную политику были непродолжительны, ограничиваясь периодом с 1863 по 1866 гг. и отчасти в 1876 – 1878 и 1881 – 1883 гг., причем и тогда славянофильский «национальный проект» не выступал в качестве государственной программы. Реализация некоторых мер, предлагаемых славянофилами, обуславливалась не согласием с предлагаемой ими логикой нациестроительства, но ситуативной логикой конкретных решений.

Тем не менее, по нашему мнению, не верно придавать избыточное значение неудаче славянофильских попыток повлиять на имперскую политику; нереализованность «большого национального проекта» оказалась обусловлена фундаментальными причинами, отмеченными С. Беккером: «Российская династическая империя не смогла развиваться в государство-нацию, и не потому, что ее правители предпочитали строительство империи строительству нации, но потому, что путь, выбранный ранее Западом, в эпоху национализма уже был закрыт. В XIX веке династические государства были вынуждены срочно трансформироваться в государства-нации, которые в противном слу-

чае могли бы их разрушить и прийти им на смену. У империй уже не оставалось времени для достижения существенной этнической гомогенизации – процесса, который занял бы время, равное жизни нескольких поколений» [2, 79].

Список литературы:

1. Миллер, А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования / А.И. Миллер. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.
2. Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала “Ab Imperio”) / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.И. Семёнова. – Казань: Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. – 656 с.
3. Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917): Сб. ст. / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А.И. Миллер. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 392 с.
4. Герцен, А.И. Былое и думы: Части 4 – 5 / Коммент. Г.Г. Елизаветиной. – М.: Художественная литература, 1982. – 614 с.
5. Анненков, П.В. Замечательное десятилетие. 1838 – 1848 // Анненков, П.В. Литературные воспоминания / Вступит. Статья В.И. Кулешова; Коммент. А.М. Долотовой, Г.Г. Елизаветиной, Ю.В. Манна, И.Б. Павловой. – М.: Художественная литература, 1983. – С. 121 – 367.
6. Койре, А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века: [пер. с фр. А.М. Руткевича] / А. Койре. – М.: Модест Колеров, 2003. – 304 с.
7. Зорин, А.Л. Корма двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века / А.Л. Зорин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 416 с.
8. Уортман, Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II: [пер. с англ. И.А. Пильщикова] / Р.С. Уортман. – М.: ОГИ, 2004. – 796 с.
9. Пивоваров, Ю.С. Два века русской мысли / Ю.С. Пивоваров. – М.: РАН ИНИОН, 2006. – 476 с.
10. Ветринский, Ч. Т.Н. Грановский. (Западники и славянофилы в 1844-1845 гг.) / Ч. Ветринский // Русская мысль. - М., 1896. - Год семнадцатый, кн. VII. - С. 125 – 151.
11. Барсуков, Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. VIII / Н.П. Барсуков. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1894. – VIII+629 с.
12. Кошелев, А.И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812 – 1883 годы). С семью приложениями / Издание подготовила Т.Ф. Пирожкова. – М.: Наука, 2002. – 475 с.
13. Самарин, Д.Ф. Предисловие // Самарин, Ю.Ф. Сочинения. Т. VII: Письма из Риги и История Риги / Издание Д.[Ф.] Самарина. – М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко., 1889. – С. I – СXXXV.
14. [Аксаков, И.С.] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. II: Письма к разным лицам. Т. IV: Письма к М.Ф. Раевскому, к А.Ф. Тютчевой, к графине А.Д. Блудовой, к Н.И. Костомарову, к Н.П. Гилярову-Платонову. 1858 – 86 гг. /

И.С. Аксаков. – СПб.: Издание Императорской Публичной Библиотеки, 1896. – IV+297+30 с.

15. Барсуков, Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. XIV / Н.П. Барсуков. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1900. – XII+641 с.

16. Твардовская, В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания) / В.А. Твардовская. – М.: Наука, 1978. – 279 с.

17. Аксаков, И.С. Сочинения. В 7 т. Т. III: Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси» / И.С. Аксаков. – М.: Типография М.Г. Волчанинова (бывшая М.Н. Лаврова и Ко.), 1886. – VII+844 с.

18. Комзолова, А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А.А. Комзолова. – М.: Наука, 2005. – 383 с.

19. Миллер, А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.) / А.И. Миллер. – СПб.: Алетейя, 2000. – 260 с.

20. Милютин, Д.А. Дневник. 1876 – 1878 / Под ред. Л.Г. Захаровой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 704 с.

21. Аксаков, И.С. Сочинения. В 7 т. Т. VI: Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Статьи из «Дня», «Москвы» и «Руси». Введение к «Украинским ярмаркам». 1860 – 1886 / И.С. Аксаков. – М.: Типография М.Г. Волчанинова (бывшая М.Н. Лаврова и Ко.), 1887. – IV+542+71 с.